

Записки динозавра

Золотые кадры Магнитостроя

Петров Юрий Григорьевич.

Родился 8 июля 1937 года в г. Верхнеуральске Челябинской области в рабочей семье. Умер 29 марта 1992 года в Магнитогорске. Поэт, журналист, краевед. Друг и соратник поэтов Б. Ручьева и М. Люгарина.

В 1954 году окончил среднюю школу № 9 в Магнитогорске. Работал на ММЗ слесарем, в 1956 – в районной газете «Красный уралец» Верхнеуральского района литсотрудником. В 1957–60 – литсотрудник, затем ответственный секретарь газеты «Магнитострой», в 1970-е годы – штатный сотрудник газет «Магнитострой», «Магнитогорский рабочий», «Челябинский рабочий», «Комсомолец» и др. С 1960 по 1965 – студент Литературного института имени Горького при Союзе советских писателей в Москве (семинар Сергея Смирнова). Одновременно все годы учёбы – внештатный сотрудник журналов «Москва» и «Октябрь», отдела литературы и искусства газеты «Советская Россия». Последние месяцы учёбы (с ноября 1964 до июля 1965) работал в штате «Роман-газеты» редактором (редактировал «Сибирские повести» В. Чивилихина и роман «Замок Фрюдэнхольм» Г. Шерфига). С августа 1965 по февраль 1966 – старший редактор молодежной редакции Магнитогорской студии телевидения, с февраля 1966 – сотрудник созданной по решению Магнитогорского ГК КПСС редакции «Истории Магнитки». В 1961 вышла очерковая книжка «Почерк Шалимова» (Челябинск, ЮУКИ, серия «Герои наших дней»), в 1963 – поэтический сборник «Грудная профессия», в 1971 – историко-документальная книга «Магнитка». Для этого издательства Петров отредактировал несколько сборников стихов молодых уральских поэтов на общественных началах. С очерками, критическими статьями, рецензиями, стихами выступал в журналах «Юность», «В мире книг», в газетах «Известия», «Советская Россия», «Комсомольская правда», «Литературная Россия». Участвовал во Всероссийском совещании молодых писателей (Кемерово, весна 1966). За активную общественную работу награждён Почётной грамотой ЦК ВЛКСМ. В 1970–80-е годы работал в штабе Всесоюзной ударной стройки – строительстве стана «2500» холодной прокатки, затем цехов покрытий, углеродистой ленты, кислородной станции № 5 ММК, профоргом на строительстве станции техобслуживания Магнитогорска.

И. Петров

Что касается забывчивости, то с этим делом у нас всё в порядке. Кто сейчас помнит о ЮПи? Таково данное друзьями кодовое наименование Юрия Григорьевича Петрова.

Продолжение. Начало в № 57

Подковёрные игры

Наши встречи с Юрием вне редакции носили несистемный характер.

Да они и не могли быть иными. Работа, семья, чисто житейские заботы... Где уж тут до дружеских посиделок? Но не приведи бог приболеть – находишь время навестить. Как-то летом жена через свою подругу нашла мне народную целительницу бабу Полю из Кирсы, править желудок. Она с мамой напрямую обратилась к ЮПи: посопровождай нашего оболтуса. И всё было отлично: после сеанса у бабы Поли мы шли обратно к пригородной электричке полями, Юрий пучками рвал богородицыну травку, мы натыкались на невиданное обилие шампиньонов и вели неспешные разговоры. О чём? Бог весть!

Когда ЮПи загремел в больницу, я узнал об этом почти сразу. Выбрался к нему спустя несколько дней. Пользуясь иммунитетом в звании редактора, явился с подношениями среди бела дня в лечебницу в неприёмное время. Написал ему угрожающую записку. На улице, мол, мраз и хлад, и ты поэтому не жри водку – выкинут на холод. Из ответа ЮПи явствовало: жрёт – нюхает ватку, пропитанную спиртом для дезинфекции при уколах. Вроде и веселиться было нечему, но мы во всём находили юморной подтекст. Издеваться друг над другом у нас было святое дело.

ЮПи любил делать сюрпризы. Поэтому в хороший летний день он усадил меня с женой в такси и увез к своему деду по маме Ивану Михайловичу Овечкину – ему он посвятил поэму «Железные галоши» – в Верхнеуральск. Великим мастеровым-жестянщиком, известным на всю округу, был дед. Мы парились – не поверите! – в железной баньке из жести, а после неё в застолье он рассказывал, мол, понравилась его банька писателю Эммануилу Казакевичу. А я подтвердил: было дело. Будучи у нас в гостях, он восхищался ею. Крещёные одной баней, мы стали чуть ли не родственниками Ивану Михайловичу. На утро мы с женой

Наш друган ЮПи

Эпизоды о неординарном человеке, оставившем след в летописи Магнитки

Награда от Юрия Петрова

и ЮПи, прихватив кошелёк с зелёным луком, хлебом, водой и кое-чем, неспешно поднимались на гору Извоз. А дед вспоминал: его, красного бойца из отряда Каширина, белоказаки вели сюда на расстрел, но не осмелились казнить георгиевского кавалера...

Привольно дышалось там. Миниатюрным виделся с высоты собор в центре Верхнеуральска и близко осязаемыми показались вдруг бои гражданской войны...

У Овечкиных довелось побывать ещё раз. В своём многотиражном «Магнитострое» мы затеяли выпуск совместных номеров с сельскими районными газетами. Мы брались рассказывать о новостройках селу, райончики – о взаимодействии с магнитостроевцами и поставках продукции городу. Пока в редакции «Красный уралец» я утрясал детали выпуска, беседовал с директором музея и настоятелем собора, Юрий набрал массу фактуры по объектам стройки. В преддверье, голодные и усталые, на часок заскочили в дом Овечкиных. Договоривались встретиться. Сейчас вот пишу и думаю: почему мы такие необязательные? Если обещал встречу – выполняй. А мы всё откладываем на потом, которое необратимо.

Обычно ЮПи приходил ко мне или звал к себе в мамин дом «потрепаться». При тогдашних наших богатствах склонностью к гастрономическим изыскам мы не стра-

дали: килька, картошка, квашеная капуста и – спасибо товарищу Микояну – кусок варёной колбасы. И ЮПи вынимал из кармана Пастернака или Ахмадуллину – затрёпанные книжечки карманного формата. И начиналось действие: читали, вслушивались, вдумывались. Засыпали поздно и поутру с недосыпом спешили по делам.

Одно из его приглашений было конкретным. Погостить на пару дней к нему прибыл сокурсник по Литинституту Юрий Баранов. Мы, три нехилых мужика, как было принято в советские времена, сидели на кухне. По стопарю за встречу и знакомством выпили, а вот дальше от нашего приподнятого настроения ничего не осталось. Дело в том, что Юрию Баранову один из работников ЦК КПСС предложил выдать солженицынскую повесть «Один день Ивана Денисовича» в абсолютной противоположном духе. Законченному злыдню, антисоветчику и диссиденту Александру Солженицыну должен был противостоять похожий на украинского парубка весь из себя комсомольско-коммунически правильный Юрий Баранов. После его немногословного сообщения мы сидели молча. Поразил цинизм: напиши антисолженицына – и у тебя всё будет. С хамством партийников мы сталкивались, но с цинизмом на высоком партийно-идеологическом уровне – не приходилось.

Поясню в меру своих сил, что такое солженицынский «Один день Ивана Денисовича». Он вошёл не только в литературу, – благодаря поэту Александру Твардовскому, редактору журнала «Новый мир», – но и в нашу, читающих ребят, жизнь как взорвавшийся над озером Чебаркуль Челябинский метеорит. Завуалированная ненормативная лексика повести мою маму, в частности, напрочь отвергла от Солженицына. Но художественная сила повествования покорила. И ещё – правдой жизни советских людей за колючей проволокой. Написать нечто солженицынское, но «наоборот», и тогда, и сейчас кажется мне делом неподъёмным. И крайне неприличным.

ЮПи отреагировал в своей манере – налил по стопарю и ухмыльнулся:

– Ежели оно не того, то оно и не так.

Решили: Баранов едет в Верхнеуральск к деду Овечкину и «болеет», потом у него наступает творческий кризис. А створческо-го кризиса какой спрос?

Мы не знали тогда о подковёрных играх в идеологическом отделе ЦК КПСС. Повесть А. Солженицына была работами Александра Твардовского выдвинута на соискание Ленинской премии. Но на неё мог претендовать и Борис Ручьев: рекомендации ему дали коллектив Магнитогорского металлургического комбината и издание «Молодая гвардия». Премии обошли и того, и другого. Воистину: ежели оно не так, то оно и не того.

Со времени моего ухода из газеты «Магнитострой» в редакцию «Магнитогорского металла» наши встречи с Юрием Григорьевичем стали редкими. Однажды выбрался я к нему и поначалу чуть не онемел: в дверях улыбался мне ЮПи с привычной густейшей шевелюрой и реденькой рыжеватой бородёнкой:

– Это что? – спросил я.

– Следы татаро-монгольского нашествия, – ответил он.

Сейчас о Юрии Петрове расскажет лишь раритетное издание «Магнитострой от А до Я» короткой энциклопедической справкой. Её автор – сын ЮПи Игорь Юрьевич Петров. А все возможные сведения вам помогут подобрать бессменные хранилища музея истории «Магнитостроя» Любовь Подлужнова и её преемница Татьяна Коновалова. Мне они охотно помогали. Поклон им за то, что хранят и оберегают нашу память и былую молодость.

Владимир Каганис

Стихи

Юрий Петров

Бродит осень по-за овинами.
В умывальниках утром – лёд.
Журавли косяками длинными
Подымаются в перелёт.
Над полями заиндевелыми,
Над уральской синей грядой
К Голубому Нилу и к Белому
Отправляются чередой.

Учат девочки географию,
Иностранный зубряя язык,
А над Русью, как эпитафия,
Журавлиный протяжный крик.
Лёд хрустит под ногами, колетса.
Мимо окон учителей
Ходят девочки за околицу –
Слушать осень и журавлей.

Зажги свою звезду

(Из поэмы)

Пусть поседели
Наши ветераны –
Всеми свой срок –
Приходит молодёжь...

Пусть в наши дни
Иные, темпы, планы,
Но клич всё тот же –
Вечный клич «Даёшь!»
И стан наш –
Первых домен
продолженье,

Как богатырь,
Поднялся на века...
Не зря даны нам
В вечное хранение
Знамена
Комсомольского ЦК.

«МС» 18 октября, 1969 год

Не по мне, чтоб всё время гладко,
Без задорчки и сучка,
В меру солоно, в меру сладко,
Без удара и без толчка.
Стих написан – чтоб были споры:
Не уважишь на каждый вкус.
Есть любовь – чтоб разлуки, ссоры,
А не только нежностей груз.
Для меня «золотой середины»
Не бывает во время драк.
Если друг ты – в беде не кину,
Если враг – получай как враг.

Характер

В детстве был сам себе герой,
Дрался в кровь,
делал тушью наколы
И по сводкам Информбюро
Знал все буквы ещё до школы.
Задыхаясь, летел с утра
В магазин за пайками хлеба.
Из поленьев строгал катера,
Блиндажи возводил из снега.

Затирухой язык обжигал,
От сухой давился картошки.
Не наевшись вдоволь, сгребал
Со стола аккуратно крошки.
Шёлк не знал наших детских плеч,
Нас учила война крепиться,
Заставляла строго беречь
Корку чёрную, соли крупцу.
И не надо мне ставить в вину,
Что я чувства и мысли прячу.
Это я, испытав войну,
Просто их без пользы не трачу.

Геркулесы

Как поэзия ночь бессонная
В стукте плотничьих топоров,

Ночь железная, ночь бетонная
Под лучами прожекторов.
Опоясанная кострами,
За котормы тьма что смоль,
Вся пронизанная ветрами
До костей поперёк и вдоль.
Снег повалит хлопьями густо ли
Или схватит к утру мороз,
Топоры всё равно без устали
Гвозди с маху вгоняют в тес.
Градом катятся капли пота,
А ребята как на подбор:
По плечу любая работа,
По душе огневой напор.
Не борцы, не тяжеловесы,
А работают за троих,
И не зря прораб геркулесами
Называет с любовью их.
Если надо – две смены выстоят,
Будь уверен, не подведут,
Гидростанцию надо – выстроят,
Домну надо – домну дадут.
Потому и стучат без устали,
Гвозди с маху вгоняя в тес,
Топоры на стройках индустрии
Днём и ночью, в жару и в мороз.

Трудная профессия

Собралась
В конторке бригадира

На обед
строителей бригада.
Колбаса, батон,
пластинка сыра –
Большого, пожалуйста,
и не надо.
Да и как же может быть
иначе?

Запивают хлеб
водой фруктовой.

Где сейчас
Возьмёшь обед
горячий,
Коли нет пока ещё столовой?
Только что
на солнце засверкала
Окнами столовая,
смотрите!

Перешёл
на новые кварталы
Со своей бригадой
строитель.

У него
профессия такая:
Новое создать
на новом месте,
О своих удобствах
забывая.

Трудно,
Но такому
Много чести.